

УДК 94 (47) «08/16»

Э.Р. Салихов

Советская историография о движении Лжедмитрия II как феномене самозванчества

В статье содержится анализ советской историографии, посвященной феномену самозванчества на примере движения Лжедмитрия II, его личности и особенностей деятельности.

Ключевые слова: историография; самозванец; Лжедмитрий II; движение народных масс.

В отечественной историографии феномена самозванчества сама личность Лжедмитрия II всегда вызывала немалый интерес. Дореволюционные историки в целом сходились в оценке деятельности Лжедмитрия II как социально-деструктивной, разрушительной, но не выясняли природы данного движения. Советская историография предложила свою оценку.

Наиболее серьезные исследования феномена самозванчества принадлежат Р.Г. Скрынникову и А.В. Шишову [8; 13]. В частности, Р.Г. Скрынников, опираясь на сведения К. Буссова [2], который лично знал Лжедмитрия II, считал, что самозванец был «службой попа» и школьным учителем в Шклове в Белоруссии, затем перебравшимся в Могилёв. Кроме того, Р.Г. Скрынников приводил сведения белорусского священника из села Баркулабова под Могилёвом [1], который, как и К. Буссов, упоминал «учительский» период биографии Лжедмитрия II. «Совпадение двух источников различного происхождения очень важно само по себе. К. Буссов имел возможность беседовать с белорусскими шляхтичами, сопровождавшими Лжедмитрия II с первых дней. Белорусский летописец же либо сам наблюдал жизнь “вора” в Могилёве, либо описал его историю со слов очевидца» [9: с. 71].

Другого взгляда на происхождение самозванца придерживался А.В. Шишов. По его мнению, никто в точности не знал, кем был новый самозванец: «Сохранившиеся документы не проливают полный свет на “темные” места его биографии. Власти царя Василия Шуйского презрительно именовали появившегося опасного противника “стародубским вором”. Затем, когда тот перебрался с войском под стены царственной Москвы, в правительственных грамотах и на словах — “тушинским вором”» [13: с. 80]. А.В. Шишов опирался на слова людей из Речи Посполитой, принадлежавших к близкому окружению

Лжедмитрия II и входивших в состав его свиты, которые считали, что по своему происхождению он был «московитом». Но долго живший в Белоруссии самозванец умел читать и писать по-польски и по-русски. И как выяснилось после его гибели, — еще и по-иудейски.

А.В. Шишов указывал и на другой источник информации: по данным иезуитов, самозванца звали Богданом и в его жилах текла еврейская кровь. Для окружающих он являлся крещеным евреем. Московские власти впоследствии официально подтвердили возникшую в Речи Посполитой версию о еврейском происхождении Лжедмитрия II — «тушинского вора», — посягавшего на шапку Мономаха.

Г.В. Вернадский высказался в пользу того, что самозванец был белорусом и получил некоторое образование [3].

Самозванец и в самом деле был фигурой неоднозначной и неопределенной. Вызывают вопросы его происхождение, окружение, намерения. Лжедмитрий II, по-видимому, до самозванчества бродяжничал и относился к неимущим слоям. Быть может, вследствие этого и своей социальной неадаптированности он не мог отказаться от предложения пана Меховецкого о выдвижении на роль царя в Московском государстве. Это выглядит правдоподобно, так как описываемая деятельность Лжедмитрия II до самозванчества была отражена и в других трудах свидетелей и очевидцев его жизни.

Более того, белорусские, польские и русские источники примерно одинаково излагали обстоятельства появления Лжедмитрия II в Московском государстве. При самозванце не было никаких иноземных воинских сил: «По словам польского современника Н. Мархоцкого, служившего Лжедмитрию II, претендент явился в Стародуб в сопровождении торговца из Пропойска Грицко. (Тот же автор замечает, что знал его потом как подскарбия — казначея тушинского.) Кроме Грицка “вора” провожал пан Рагозинский, староста (войт) того же города Пропойска» [8: с. 195].

Р.Г. Скрынников, в отличие от дореволюционных авторов — Н.И. Костомарова и В.О. Ключевского, — вторичное возрождение самозванческой интриги не связывал с семьей Мнишеков и Самбором. По его мнению, новый самозванец появился в пределах Белоруссии весной 1607 года под именем Андрея Нагого, родственника царя Дмитрия. Створ русских мятежников с польскими отрядами был, но семья Мнишеков не имела к этому никакого отношения.

Итак, можно сказать, что самозванец появился не один на границе Московского государства, ему помогли. И большую роль в этом сыграли польско-литовские паны: «А в ту минуту, когда сдавалась Тула, повод уже был налицо: капитуляция состоялась 10 октября, а уже с конца августа в Стародубе-Северском стоял “чудесно спасшийся” Дмитрий с военной силой, гораздо более страшной для буржуазного царя, нежели болотниковские дружины, — десятью тысячами, приблизительно, регулярной польской конницы и пехоты, во главе с самыми опытными и талантливыми польскими кондотьерами — Рожинским и Лисовским» [7: с. 276].

Преобладающую роль поляков в Тушинском лагере выделил М.Н. Покровский. По мнению ученого, в этом состояло одно из отличий в социальном окружении первого и второго самозванцев: «При таком составе царских думцев, с патриархом из Романовых, Тушино, казалось, немного отличалось от столицы первого Дмитрия. И, однако, присмотревшись ближе к той армии, которая следовала за вторым “самозванцем”, мы замечаем в ней характерные отличия от дворянской рати, что привела первого Дмитрия в Москву. Первое из этих отличий, раньше других бросившееся в глаза и современникам, и позднейшим историкам состоит в преобладающей роли, какую играли в Тушине поляки» [7: с. 279].

М.Н. Покровский хоть и акцентировал внимание на роли поляков в движении второго Лжедмитрия, но определял их как наемников в стане самозванца: «В ином положении находились наемные польские отряды: хотя и шляхетские по своему составу, они, не собираясь оставаться в стране, не были связаны общностью интересов с местными помещиками» [7: с. 280]. Более того, историк отдавал предпочтение казакам и прочим социальным силам: «На сцене опять Дмитрий, юридически тождественный с тем, что осенью 1604 года выступил против Годунова. На его стороне опять казачество, верное ему до конца, и массы мелкого служилого люда, провинциальные дворяне и дети боярские» [7: с. 277].

Г.В. Вернадский, в свою очередь, подробно характеризовал каждого предводителя и их цели — богатство, нажива, грабеж. Так, украинский магнат князь Роман Рожинский мечтал сколотить в Московском государстве новое состояние. Два других командира — Ян Петр Сапега и Александр Лисовский — тоже рассматривали этот поход как прибыльное предприятие. Все они были беспощадны по отношению к населению во время своих набегов. Кроме того, историк выделял в стане самозванца отряды казаков под предводительством Ивана Заруцкого.

О предводителе казаков писал и Р.Г. Скрынников: «Заруцкий обладал редкой энергией и всеми качествами народного вождя. Его вмешательство, по-видимому, имело неопределимое значение для дальнейшего развития самозванческой интриги. В России он играл при никчемном претенденте ту же роль, что Меховецкий и Зенович в Белоруссии» [8: с. 198].

К тому же историк в начале появления самозванца выделял следующих польско-литовских панов — Меховецкого, Зеновича, Рагозу, — даже представляя их в некотором роде политическими «контрабандистами»: «Зенович, Рагоза и Меховецкий действовали с величайшей осторожностью. Они не рискнули объявить о появлении царя “Дмитрия” в пределах Литвы и начать набор войска для него, боясь навлечь на себя немилость короля. Кроме того, они не имели достаточных средств и не желали тратить наличные деньги на дело, которое имело мало шансов на успех и могло оказаться мертворожденной затеей. Поляки взяли на себя лишь часть задачи — найти и переправить в Россию подходящего претендента, всю же основную часть работы они предоставили русским повстанцам» [8: с. 196].

А.В. Шишов также рассматривал польско-литовских панов как одну из составляющих армии Лжедмитрия II, но вместе с тем находил в войске самозванца и другие социальные слои: «Наемное воинство стало постепенно собираться под знаменем Лжедмитрия II, которого к тому времени признал ряд южных городов страны. Со всех сторон к нему стекались бывшие болотниковцы — казаки, посадский люд, крестьяне, стрельцы. Из Стародуба повстанцы искали помощи и за кордоном. На их призывы откликнулись украинцы и белорусы. Брались за оружие северские мужики» [13: с. 92]. Таким образом, А.В. Шишов рассматривал окружение Лжедмитрия II не в узком плане, а в широком, подчеркивая разноуровневую социальную опору самозванца.

Из сказанного можно заключить, что преобладающую роль в окружении Лжедмитрия II историки отводили иноземным захватчикам, хотя наряду с ними были и русские повстанцы — казаки и крестьяне, стрельцы, посадский люд. Они могли управлять самозванцем или же, напротив, действовать по его наущению.

Советские историки склонялись к первому варианту. В свою очередь Г.В. Вернадский приводил следующий довод в вопросе выбора именно такого человека на роль претендента на престол: «Почему такого человека выбрали на роль претендента на престол? Очевидно потому, что его покровители, русские последователи первого Лжедмитрия (такие как Молчанов, западнорусские и литовские магнаты, польская шляхта, украинские и донские казаки) позаботились, чтобы новый претендент, в отличие от старого, был марионеткой, которой они легко могли бы управлять. Проблема состояла в том, что каждая группа его покровителей имела собственные намерения, и временами их интересы противоречили друг другу. Собственно говоря, для московских противников царя Василия личность нового кандидата на роль наследника престола не имела значения, особенно пока он находился далеко от Москвы. Им было нужно только имя, чтобы использовать его как лозунг в холодной войне и боевых действиях против боярского царя» [3: с. 147].

А.А. Зимин считал самозванца марионеткой в руках его покровителей: «Вместе с тем Лжедмитрия II отнюдь нельзя называть “казацко-крестьянским царем”, ибо он был просто марионеткой в руках польских авантюристов Ружинского, Сапеги и других» [4: с. 101].

Р.Г. Скрынников также подчеркивал такие качества Лжедмитрия II, как бесхарактерность и зависимость от других людей: «Шкловский учитель не обладал ни мужеством, ни волей, ни практическим опытом, чтобы самостоятельно довести трудное дело до успешного конца...» [8: с. 198]. Поэтому полякам не сложно было подчинить своей воле самозванца: «Полякам не трудно было запугать шкловского бродягу и заставить его назваться именем Андрея Нагого» [8: с. 197]. Более того, Р.Г. Скрынников настаивал на том, что поляки обращались с самозванцем дурно и ни во что его не ставили. Историк опирался в первую очередь на сведения Буссова и Будилы, которые служили при Лжедмитрии II и утверждали, что поляки запугали его и беспрекословно подчинили себе.

В силу того, что самозванец был марионеткой, программы действий у него, по мнению советских историков, не было. В частности, И.И. Смирнов называл Лжедмитрия II авантюристом, не имевшим политического плана действий, подпавшим под польское влияние: «Авантюрист, выдвинутый враждебными Русскому государству панскими кругами Польши, Лжедмитрий II широко использовал в качестве оружия для достижения своих целей социальную демагогию, а имя “царя Димитрия” привлекало к Самозванцу широкие народные массы» [10: с. 458].

Еще более категорично высказывался В.И. Корецкий: «Лжедмитрий II, вступивший в Россию летом 1607 г., когда осада Тулы была в разгаре, но “тульские сидельцы” не теряли надежды на победу, казалось, должен был как-то считаться с отношением к крестьянскому вопросу тех, к кому он шел на помощь. Между тем этот авантюрист, тесно связанный с польскими панями и шляхтой, убежденными крепостниками, с самого начала встал на крепостнические позиции» [5: с. 236].

Р.Г. Скрынников тоже считал, что самозванец едва ли имел какие бы то ни было политические взгляды, когда оказался в лагере восставших. По его мнению, Лжедмитрию II суждено было стать знаменем повстанческого движения и повести за собою народные массы, роль которых в тех событиях переоценить невозможно.

Советская историография в гораздо большей степени, чем дореволюционная, интересовалась логикой массовых процессов. Советские историки настаивали на том, что народные движения всегда носили прогрессивный характер, стремились выявить причины и значимость борьбы против угнетателей. Так, М.Н. Покровский, например, отмечал: «То восстание общественных низов против общественного верха, которого еще рано было искать в казацких движениях или в болотниковском бунте, теперь начинает действительно проявлять себя под покровом тушинских отрядов» [7: с. 280]. А вот что писал Г.В. Вернадский: «Претендент был нужен как знамя всем, кто по тем или иным причинам находился в оппозиции к правительству царя Василия. Недовольных царем Василием было немало. Его считали боярским царем. Среднее и низшее дворянство, особенно в Рязанской провинции, находилось в смятении, и сам воевода Рязани, Григорий Федорович Сумбулов, присоединился к оппозиции. Крестьяне, особенно в Комарицкой волости, находились на грани восстания. Донские и яицкие казаки готовились к кампании против Москвы. Посадских разных городов раздражали привилегии, предоставленные царем Василием богатым купцам» [3: с. 144].

Безусловно, борьба народа против крепостничества была справедливой [6: с. 351]. Однако движение народных масс носило не только прогрессивный характер, но и антипатриотический, о чем советские историки напрямую не говорили в силу политизированности советской исторической науки. А.А. Зимин, например, так оценивал роль классовой борьбы в движении Лжедмитрия II:

«В 1607–1609 гг., пока Лжедмитрий II полностью еще не разоблачил себя как ставленник польских авантюристов, крестьяне и холопы многих районов поддерживали его в борьбе с помещиками, разоряли дворянские поместья, убивали господ» [4: с. 100].

Естественно, что большее внимание уделялось бесчинствовавшим в стране тушинским отрядам и борьбе против них народных масс: «На захваченной территории тушинцы вели себя как завоеватели, видевшие перед собой одну единственную цель — обогатиться. По городам и волостям разбрелись так называемые отряды “загонных людей” — фуражиров Сапеги, Ружинского, Лисовского и прочих польских магнатов и просто предводителей наемных отрядов. Захватчики отбирали у местного населения ценности, имущество, продовольствие, уводили скот... Отряды “загонных людей” именем “тушинского вора” разоряли и без того разоренную страну. Бесправные военные контрибуции, тяжкие правежи, попытки возродить худшие времена удельных своеволий неизбежно порождали сопротивление. Глубокое недовольство самых широких масс стало выливаться в открытое сопротивление жителей сел и городов. В Российском государстве начался мощный подъем национально-освободительной борьбы» [13: с. 112–113].

На наш взгляд, отчасти можно говорить об антипатриотическом характере движения народных масс, но с одной оговоркой: влияние на это движение оказывала маргинальная верхушка социального окружения самозванца (польско-литовские паны, казаки, болотниковцы и т. д.). Народ верил в доброго царя, поэтому, несомненно, шел за Лжедмитрием II, куда бы он ни повел. Но в силу того, что самозванец полностью зависел от поляков, то и народ объективно оказывался заодно с ними, того не ведая.

Таким образом, советская историография рассматривала феномен самозванчества как элемент общего социального недовольства положением дел в стране, тем самым выдвигая тезис о недовольстве всех здоровых групп и слоев населения. Повышенная чуткость к роли классовой борьбы и к теме так называемых народных движений была чревата систематическим нарушением принципов историзма и, что самое главное, превратным представлением о природе и логике несовременных, в том числе средневековых, обществ.

Московскую Русь вполне можно относить к типу так называемых религиозно-центристских обществ, кардинально отличающихся от современных по представлениям о цели и смысле существования, логике социально-исторического поведения [12]. В таких обществах подобного рода движение складывается не на сословно-классовых основаниях, а на движении маргинальных социальных групп, объективно настроенных на деструктивные действия, хаотизацию реальности ввиду специфического мировоззрения, свойственного маргиналам, которых в Средние века называли *homines novi* [11: с. 139–140].

На наш взгляд, генезис движения Лжедмитрия II, его состав, отсутствие хоть какой-либо связанной социальной повестки, практически криминальная стилистика поведения, вполне вписывается в неопределенный мировоззренческий формат, свойственный маргиналам.

Литература

1. Баркулабовская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1975. Т. 32. С. 174–192.
2. Буссов К. Московская хроника, 1584–1613 // Хроники Смутного времени. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 11–158.
3. Вернадский Г.В. Московское царство. М.: Аграф, 2000. 512 с.
4. Зимин А.А. Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII в. // Вопросы истории. 1958. № 3. С. 97–113.
5. Корецкий В.И. Об одной «ошибке» архивистов XVIII века // Археографический ежегодник за 1962 год. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 234–243.
6. Корецкий В.И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М.: Наука, 1975. 393 с.
7. Покровский М.Н. Русская история: в 3 т. Т. 1. СПб.: Полигон, 2002. 346 с.
8. Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л.: Наука, 1988. 253 с.
9. Скрынников Р.Г. Крушение царства: Историческое повествование. М.: Армада, 1995. 129 с.
10. Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606–1607. Л.: Госполитиздат, 1951. 588 с.
11. Уваров П.Б. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. М.: АИРО-XX, 2005. 200 с.
12. Уваров П.Б. Коммуникативный формат как матрица исторического процесса // Традиционные общества: неизвестное прошлое. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2008. С. 44–63.
13. Шишов А.В. Крылами бьет беда. М.: Молодая гвардия, 1990. 128 с.

Literatura

1. Barkulabovskaya letopis' // Polnoe sobranie russkix letopisej. M.: Nauka, 1975. T. 32. S. 174–192.
2. Bussov K. Moskovskaya xronika, 1584–1613 // Xroniki Smutnogo vremeni. M.: Fond Sergeya Dubova, 1998. S. 11–158.
3. Vernadskij G.V. Moskovskoe czarstvo. M.: Agraf, 2000. 512 s.
4. Zimin A.A. Nekotory'e voprosy' istorii krest'yanskoj vojny' v Rossii v nachale XVII v. // Voprosy' istorii. 1958. № 3. S. 97–113.
5. Koreckij V.I. Ob odnoj «oshibke» arxivistov XVIII veka // Arxeograficheskij ezhegodnik za 1962 god. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963. S. 234–243.
6. Koreckij V.I. Formirovanie krepostnogo prava i pervaya krest'yanskaya vojna v Rossii. M.: Nauka, 1975. 393 s.
7. Pokrovskij M.N. Russkaya istoriya: v 3 t. T. 1. SPb.: Poligon, 2002. 346 s.
8. Skry'nnikov R.G. Smuta v Rossii v nachale XVII v. Ivan Bolotnikov. L.: Nauka, 1988. 253 s.
9. Skry'nnikov R.G. Krushenie czarstva: Istoricheskoe povestvovanie. M.: Armada, 1995. 129 s.
10. Smirnov I.I. Vosstanie Bolotnikova 1606–1607. L.: Gospolitizdat, 1951. 588 s.
11. Uvarov P.B. Deti xaosa: istoricheskij fenomen intelligencii. M.: AIRO- XX, 2005. 200 s.

12. *Uvarov P.B.* Kommunikativny'j format kak matricza istoricheskogo processa // Tradicionny'e obshhestva: neizvestnoe proshloe. Chelyabinsk: Izd-vo Chelyab. gos. ped. un-ta, 2008. S. 44–63.
13. *Shishov A.V.* Kry'lami b'et beda. M.: Molodaya gvardiya, 1990. 128 s.

E.R. Salikhov

**Soviet Historiography on the Movement of False Dmitry II
as a Phenomenon of Imposture**

The article presents an analysis of Soviet historiography, devoted to the phenomenon of imposture, based on the example of the movement of False Dmitry II, his personality and features of his activity.

Keywords: historiography; impostor; False Dmitry II; movement of the masses.